

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 3, 1977, май — июнь

В номере:

1917—1977

- В. Н. Сергеев. Культура речи и словари-справочники советской эпохи 3
- Е. А. Левашов. Пушкин и академические толковые словари 12
-

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ ОБ А. С. ПУШКИНЕ

- «И назовет меня всяк сущий в нем язык...» 21
-

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Н. К. Гей. Гармония пушкинского стиля 27
- Е. П. Ходакова. Словесная игра у Пушкина 33
- Л. А. Гладышева. «...Печаль моя светла...» 39
- П. Б. Голуб. Образное слово Пушкина 43
- Ю. Г. Русакова. Заметки о языке романа «Евгений Онегин» 50
- М. А. Галманова. Новые материалы о Пушкине 56
- А. Н. Кожин. Слово поэта — боевое оружие 61
-

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

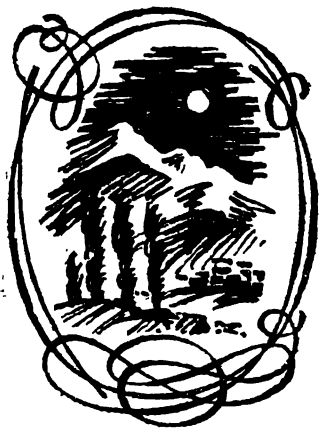
- А. Д. Блинов. Рабочий-герой: каков его язык? 68
-

- Интервью с главным режиссером Московского театра Сатиры В. Н. Плучеком 78
-

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

- Р. И. Аванесов. О произношении отчеств с именами 82
- М. А. Бакина. «...Обеспечить, что означает: печи поломать» 90
- А. Я. Опришко. О новых наименованиях «старых» явлений 95
-

«...ПЕЧАЛЬ МОЯ СВЕТЛА...»

Фраза Пушкина *Печаль моя светла* принадлежит к величайшим творениям мирового поэтического искусства. Впервые она прозвучала в стихотворении «На холмах Грузии лежит ночная мгла», удивляя и восхищая современников Пушкина интересной и неожиданной мыслью, глубиной и чистотой чувства, точностью и красотой художественного выражения.

Подлинное откровение для своего времени, слова поэта не утратили своего значения и для наших дней. И прежде всего они близки нашему современнику своим оптимизмом, великой силой жизнелюбия, утверждением радости бытия даже в минуты самых горьких переживаний. Однако не менее важна и другая сторона — сила эстетического воздействия этой художественной мысли. Тайна ее долговечности заключена и в том, что она пробуждает чувство прекрасного, волнует сердца своим совершенством.

Мысль поэта выражена средствами искусства. Единой творческой задаче подчинены и предельный лаконизм фразы, и оригинальность контрастного эпитета, и воздушная легкость ямба, и удивительная гармония звуков: хрустальные переливы трех сонорных, сочетаясь со светлым, открытым *А*, создают неповторимую мелодию стиха.

Благодаря замечательному единству содержания и формы, пушкинские слова *Печаль моя светла* стали употребляться самостоятельно, приобрели характер хотя и миниатюрного, но законченного художественного создания и, легко запоминаемые, дополнили богатства русской

национальной фразеологии. При этом они закрепились в языке в двух структурных разновидностях: в форме предложения *Печаль моя светла* и в форме именного словосочетания *Светлая печаль*.

При переходе в разряд крылатых слов поэтическая фраза приобрела целую гамму новых смысловых оттенков, стала богаче содержанием.

Чтобы убедительнее проследить, насколько расширился и усложнился тематический диапазон рассматриваемой фразы в условиях ее современного функционирования, напомним читателю строки всего стихотворения Пушкина, в окружении которых она прозвучала впервые:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

В стихотворении без труда угадывается и личный повод, и биографический подтекст. Эти слова отражают душевное состояние человека, тоскующего в разлуке с любимой женщиной.

Но для истинной поэзии субъективный факт — лишь отправной пункт, и сквозь строки любовного послания явно просвечивает другой, более объемный смысл: это стихи не только о любви и печали, но и о философском, оптимистическом мировосприятии поэта. В них раскрывается та «бездна пространства», которая так восхищала Гоголя в каждом слове пушкинской поэзии.

Поэтическая фраза Пушкина, став принадлежностью общелитературного языка, содержит в себе возможность дальнейших переносов: от глубоко личных, индивидуальных переживаний до общественно-философских обобщений. В этом нас убеждают следующие контексты. Так, например, Ф. Шаляпин именно словами Пушкина характеризует нахлынувшие воспоминания о своих былых встречах с Л. Толстым: «Дорогая, глубокоуважаемая Татьяна Львовна, спасибо за память и за книжку. Я так обрадовался ее получить от Вас: „Мне грустно и легко, печаль моя светла...“. Как ярко оживают в памяти моей „Хамовники“. Какое великое наслаждение испытал я петь Льву Николаевичу. Как горжусь я той великой для меня минутой в моей жизни, и как я огорчен, что не мо-

гу спеть для него сейчас...» (Минувшего свидетели живые. — «Литературная газета», 3 сентября 1975).

О переживаниях автора, чьи произведения не сразу доходят до читателя, то есть опять-таки о своем, глубоко личном, сокровенном говорит в одной из своих статей поэтесса Римма Казакова, используя пушкинскую фразу: «„Написать стихи — это все поставить на карту“... Меня потрясли эти простые слова, потому что, только следуя невероятной сложности такой самозадачи, можно быть честным по отношению к читателю. И может, если и тогда твои стихи будут залеживаться в магазинах, печаль твоя будет светла, как у человека не понятого, но не обманувшего...» (Римма Казакова. Вкус тех мандаринов... — «Литературная газета», 1 января 1974).

О существенном расширении смыслового объема рассматриваемого словосочетания свидетельствует факт использования его как средства оценки своеобразия творчества других поэтов. Так, например, Николай Тихонов определил своеобразие поэзии Сергея Есенина: «Его лирические стихи полны обжигающей чистотой чувств, сердечной правдой, болью больших страстей. Они, как родник, прозрачны и просты, в них — светлая печаль большого сердца» (Николай Тихонов. Светлый родник поэзии. — «Правда», 3 декабря 1965).

Словами Пушкина можно оценить и произведения прозаических жанров. Такова, например, оценка повести Шолохова «Судьба человека» в докладе Соболева на II съезде писателей РСФСР: «И еще сила повести в том, что вся она пронизана каким-то грустным оптимизмом, как ни странно это сочетание слов. В нем — отзвук пушкинского „печаль моя светла“» (Л. С. Соболев. Советская литература и воспитание нового человека. — «Литературная газета», 4 марта 1965).

Еще более расширенной интерпретации словосочетание *светлая печаль* подвергается тогда, когда современный публицист употребляет его для характеристики всей русской поэзии в целом: «Эту светлую печаль — неотъемлемую черту русской поэзии — я бы определил как неутоленную жажду прекрасного. Нигде она не граничит, нигде не соприкасается с тоскливой безнадежностью отчаяния. Она живительна в своей вечной неутоленности» (Сергей Наровчатов. Россия — не только березы. — «Литературная газета», 22 февраля 1966).

Возможен также перенос содержания этого выражения на другие области искусства — живопись, оперу, театральный спектакль и т. д. Характерно, например, употребление крылатых слов поэта, углубляющее наше понимание музыки Шостаковича: «Незабываема по своей красоте медленная вторая часть концерта... Мелодия скрипки воспаряет в беспредельную высоту, и, словно оттеняя ее полет, ее поддерживают глухие аккорды оркестра. Иногда в музыке слышится затаенная печаль, но она совсем как пушкинская: „...печаль моя светла“» (Александр Медведев. Две премьеры Дмитрия Шостаковича. — «Литературная газета», 4 октября 1967).

Пушкинские слова могут служить откликом на знаменательные явления общественной жизни. Так, в статье Александры Пахмутовой они характеризуют большие чувства, переживаемые всей страной, всем народом: «Сегодня, когда мы проводили 1975 год, я вспоминаю майские праздничные дни: страна отмечала 30-летие Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Естественно, что мы, советские композиторы, всем сердцем старались откликнуться в своем творчестве на то высокое чувство радости, гордости и светлой печали, которое вызывал у советских людей праздник Победы» (А. Пахмутова. Всем сердцем. — «Правда», 2 января 1976).

Отличаясь значительной глубиной содержания и многогранностью темы, поэтический фразеологизм Пушкина примечателен еще и тем, что он может употребляться в широком, обобщенно-философском значении, как символ оптимистического восприятия бытия. В конкретном тексте за словами поэта нередко открываются широкие философские перспективы, например: «Основа основ ее лирики... — пушкинское „печаль моя светла“: умение даже личную боль, горечь, обиду возвысить до душевного просветления и тем самым как бы сообщить себе и другим силу для жизни» (Григорий Левин. Зоркость сердца. — «Литературная газета», 10 декабря 1969).

Итак, функционирование в языке вне авторского контекста, регулярная повторяемость на страницах самого массового издания — газеты, стабильность лексического состава, семантическая целостность, воспроизведение в речи в готовом виде — все это дает нам основание считать слова А. С. Пушкина *Печаль моя светла* крылатой фразой.

Л. А. ГЛАДЫШЕВА